

Темная экология между письмом и инаковостью

АЛЕКСЕЙ ВОРОНКОВ

Ассистент, кафедра теоретической и социальной эпистемологии,
Институт общественных наук (ИОН), Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(РАНХиГС). Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, корп. 2.
E-mail: alexeyvoronkov@gmail.com.

Ключевые слова: гиперобъект; грядущая демократия;
темная экология; деконструкция; Другой.

В противовес более популярным интерпретациям темной экологии Тимоти Мортон как одного из направлений спекулятивного реализма в статье предлагается рассмотреть этот проект как частный случай деконструкции Жака Деррида. Обращаясь к более ранним текстам Мортон, автор доказывает его преемственность по отношению к деконструкции в структуре аргументации, критикующей экологический дискурс и обосновывающей темную экологию. Если Деррида выявил насильственную структуру письма как основу логоцентричного мифа, то Мортон показал, что романтическое представление о гармоничной Природе стало возможным в результате консюмеризма привилегированных слоев индустриализированного общества Нового времени. Экспликация этой связи позволяет выявить значимые для темной экологии ограничения интерпретации Мртоном Деррида, которые состоят в игнорировании критики, сформулированной послед-

ним в адрес других попыток эмансипации инаковости.

На примере текстов Деррида, в которых деконструкции подвергается не логоцентризм, а другие, альтернативные ему проекты, предложенные Мишелем Фуко и Эммануэлем Левинасом, показывается, что в их отношении деконструкция продолжает работать симметрично. С подобной точки зрения использование Мртоном темной метафорики оказывается неоправданным, поскольку не учитывает возможность деконструкции тьмы, а не света. Однако решение Деррида — концепция грядущей демократии — оказывается при этом несостоятельным с точки зрения использования Мртоном концепта гиперобъекта. Вместо этого экологию Мортон предлагается прочитать как теоретический язык, безразличный к дихотомии света и тьмы и описывающий наступившую демократию, отличительной чертой которой является неизбежная близость Другого.

Введение

ТЕМНАЯ экология Тимоти Мортон — один из многих теоретических языков, обычно обобщаемых под рубрикой спекулятивного реализма, который знаменовал попытку преодоления ограничений, существующих в континентальной философской традиции. Конечно, позиции разных авторов, работающих в данном направлении, порой сложно назвать тождественными, но общим знаменателем для них стала критика идеализма континентальных философов, их заикленность на фигуре человека, одним словом, их корреляционизм. Мортон, обычно рассматриваемый как соратник Леви Брайанта, Грэма Хармана, Квентина Мейясу, в данном контексте вызывает интерес своими концептами гиперобъектов, монстров и странностей, которые демонстрируют, насколько незначительное место люди занимают в столь многообразном мире¹. Такое прочтение темной экологии вполне обоснованно — сам Мортон видит, например, в объектно-ориентированной онтологии (ООО) Хармана непосредственного союзника проекта темной экологии².

Однако здесь, не ставя под сомнение эту позицию, мы с помощью оптики, чуть более чувствительной к истории философии, сосредоточимся на довольно банальном, но значимом для темной экологии теоретическом ресурсе — деконструкции. Эта связь любопытна тем, что, во-первых, она весьма неочевидна для популярного взгляда на Деррида, который емко обобщен в тезисе «За пределами текстов ничего нет»³. Такой образ Деррида как нельзя лучше воплощает все, против чего восстает спекулятивный реализм;

1. *Harman G.* Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. L.: Penguin Random House, 2017. P. 231–240.
2. *Morton T.* Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013. P. 13–24; *Idem.* Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. N.Y.: Columbia University Press, 2016. P. 16–17; *Мортон Т.* Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019. P. 11–12.
3. *Searle J.* The Construction of Social Reality. N.Y.: Free Press, 1995. P. 159.

более того, он в целом разделяется философами, весьма близкими этому направлению⁴. В то же время подобное влияние может быть интересно скорее тем, что позволяет произвести ревизию мысли не Деррида (попытки осуществить это уже не раз предпринимались), а Мортон. Что может объединять двух этих философов, которые в перспективе философской революции спекулятивного реализма должны находиться по разные стороны баррикад? Что может дать эксплицирование и анализ этой связи для понимания темной экологии? Какие проблемы могут быть ей вменены на этой основе? Для ответа на эти вопросы попытаемся показать значимую роль деконструкции в темной экологии, ограничения интерпретации Деррида Мртоном и, наконец, те важные для темной экологии элементы, которые можно почерпнуть из философии Деррида.

Темная экология как деконструкция

Для большей легитимности перепрочтения темной экологии с какой-либо точки зрения следует вначале кратко обозначить исторический тезис о наличии связи между рассматриваемыми теоретическими языками. В случае Тимоти Мортон влияние деконструкции подметить довольно легко — большую часть своей карьеры он исследовал литературу эпохи романтизма. Так, диссертацию, защищенную в Оксфордском университете и посвященную анализу творчества поэта Перси Шелли, Мортон публикует в 1994 году⁵ и в следующие два десятилетия пишет еще несколько исследований, касающихся проблем диеты и различения природы и культуры у писателей-романтиков. При этом влияние Деррида на англо-американское литературоведение 1980–1990 годов сложно переоценить: в этот период его философия позволила совершить разрыв со сложившейся традицией интерпретации литературы⁶. Этот почти сакральный статус Деррида в том академическом контексте, в котором социализировался Мортон как исследователь, уже служит весьма весомым

4. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006. С. 64; *Shaviro S.* The Universe of Things: On Speculative Realism. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2014. P. 7.

5. *Morton T.* Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

6. *Ламонт М.* Как стать самым важным французским философом: случай Деррида // Логос. 2009. № 4–5. С. 3–42.

поводом для попытки раскрыть роль деконструкции в становлении темной экологии.

По этой причине в центре нашего внимания оказывается «Экология без Природы» (2007) — первая книга Мортон, в которой он отходит от скорее филологической проблематики и обращается к критике экологии, формулируя ныне известный лейбл «темной экологии». Данный текст примечателен тем, что в нем Мортон эксплицитно предстает как теоретик, опирающийся на литературоведческую традицию, однако покидает традиционное для нее предметное поле. Это позволяет проследить, каким образом он инкорпорирует свой литературоведческий бэкграунд в еще относительно новую для него область экологических проблем. Как следует из названия исследования Мортон, его целью является попытка помыслить экологию без концепта природы⁷. Предметом своей критики он избирает экологический дискурс, который, по его мнению, противоречив по своей сути: экологи считают, что они критикуют влияние человека на окружающую среду, однако оказываются неспособны преодолеть собственную антропоцентричность. С точки зрения Мортон, сама попытка говорить от лица природы, которую предпринимают экологи, является ее апроприацией человеком⁸.

Как и ожидалось, Мортон выступает здесь двояким образом: с одной стороны, предметом его пристального внимания ставится литература романтизма, с другой — свой метод прочтения текстов множества писателей он называет материалистическим:

Я набрасываю теорию амбиентной поэтики, материалистического способа чтения текстов, который рассматривает то, как они кодируют литеральное пространство из записи — если такая вещь существует — пространства между словами, полями страницы, физического и социального окружения читателя⁹.

В то же время несложно разглядеть в теории амбиентной поэтики деконструкцию, попытку подорвать иерархии, выстраиваемые текстом, «расслоить структуры», содержащиеся в нем¹⁰. Эту приверженность методологии Деррида Мортон проявляет

7. *Morton T. Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics.* Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007. P. 1, 24.

8. *Ibid.* P. 123–135.

9. *Ibid.* P. 3.

10. *Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы философии.* 1992. № 4. С. 53–57.

в своем нежелании быть отождествленным и «постмодернистским нигилистом»; он различает «дохлую лошадь» постмодернизма и деконструкцию, прямо декларируя свою приверженность Деррида:

Я, однако, различаю постмодернизм как культурную и идеологическую форму и деконструкцию. «Экология без Природы» вдохновлена тем способом, которым деконструкция ищет с безжалостной и блестящей интенсивностью точки противоречия и глубокого замешательства в системах значений. <...> Подобно тому как Деррида объясняет, каким образом различение одновременно и служит основанием логоцентризма, и подрывает его, я утверждаю, что риторические стратегии природного письма подрывают то, что можно назвать экологоцентризмом¹¹.

Таким образом, можно зафиксировать отождествление «материализма» и деконструкции, вдохновившей это исследование Мортон. Однако как именно реализовалось это вдохновение?

Ответ на этот вопрос можно обнаружить в концепте природного или экологического письма, который становится для Мортон центральным, — называя его более емким термином «экомимесис» (мимикрирование антропоцена под природу)¹², он отождествляет изучаемый им материал литературного и визуального искусства с этим понятием¹³. Согласно Мортону, проблема с экомимесисом состоит в том, что он в своей основе подразумевает различие внутреннего человеческого и внешнего природного, которое делает возможным репрезентацию последнего в первом. Для Мортон подобное различие фактически делает невозможной экологию, поскольку само отношение репрезентации в качестве своего первого и необходимого шага подразумевает установление дистанции человека по отношению к природе и только после этого предпринимает — лишь частичный — шаг по ее преодолению:

Природное письмо скорее частично говорит против экологии, нежели за нее. Создавая природу как объект «там» — нетронутую дикость, находящуюся за пределами каких-либо следов человеческого контакта, — оно восстанавливает то самое разделение, которое стремится устранить¹⁴.

11. *Morton T. Ecology Without Nature. P. 6.*

12. *Ibid. P. 8.*

13. *Ibid. P. 31–32.*

14. *Ibid. P. 125.*

Как же могла сложиться такая парадоксальная ситуация, когда защитники Природы оказываются так далеки от нее самой? Отвечая на этот вопрос, Мортон использует ресурсы истории литературы, обращая внимание на то, что представление о природе как о чем-то прекрасном и удивительном сложилось в XIX веке, который, очевидно, скорее можно было бы характеризовать как эпоху интенсивной экспансии капитализма и индустриализации. Осмысливая это кажущееся противоречие, Мортон опирается на то, что романтические представления о природе были свойственны представителям элит и, в сущности, выражали их насильственно-консюмеристское отношение к внеположной реальности:

Ощущение свободы и автономии, отмеченное рождением консюмериста в период романтизма, работает с деревьями даже лучше, чем с товарами. Они — объективные коррелятивы бесполезности, свободного времени, имеющих утопическое измерение. <...> Только очень привилегированный человек мог придать столь большое значение наличию глаз и ушей, способности ходить, читать, писать¹⁵.

Хотя в своем исследовании Мортон не эксплицирует свое отношение к деконструкции настолько, чтобы отождествить эти два теоретических проекта, нет оснований не доверять ему в том, что именно она служит главным образцом для подражания. Так, если обратиться к «О грамматологии», то можно заметить, что Деррида идентичным образом трактует проблему присутствия интенции говорящего субъекта в языке. Во-первых, базовым различием для него служит отношение письма как структуры и речи как интенции — если пытаться кратко резюмировать исследование Деррида, то оно состоит как раз в противопоставлении феноменологической традиции тех выводов об устройстве языка, которые гуманитарному знанию преподнес Фердинанд де Соссюр¹⁶. На основе тезиса Соссюра о наличии стабильной и латентной структуры, упорядочивающей язык, Деррида выносит приговор платоновской метафизике присутствия: человеческая интенциональность отсутствует в языке, который функционирует как письмо, — ему не нужно присутствие человека, он существует в разрыве с человеческой сущностью¹⁷. Наконец, для него струк-

15. Ibid. P. 134.

16. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 134–164.

17. Там же. С. 164–192.

тура письма оказывается более фундаментальным свойством языка именно благодаря ее насильственному характеру, под которым у Деррида понимается способность письма производить человека как интенционального субъекта¹⁸. Таким образом, основное рассуждение Мортон повторяет ту траекторию, которую описал Деррида: концептуализация некой сущности как порождения структуры, обнаружение противоречивости и насильственности отношения между ними.

Но подобно тому, как грамматология еще не является деконструкцией, разрушение Мортоном экологического письма — еще не темная экология, а лишь ее негативная программа, которая вполне возможна и в рамках структурализма вообще (Мортон склонен к ссылкам не только на Деррида, но и на Барта, Якобсона, Лиотара). Чтобы показать ключевое влияние деконструкции на Мортон, следует обратиться к его позитивной программе — собственно темной экологии. Изначальная формулировка следующая:

Экологическая мысль, размышление о взаимосвязанности, имеет темную сторону, которая укоренена не в хиппи-эстетике жизни после смерти или в садистско-сентиментальной бэмбификации наделенных чувствами существ, а в «готическом» утверждении контингентной и необходимо странной (*queer*) идее того, что мы хотим остаться с умирающим миром: темной экологии¹⁹.

На концептуальном уровне темная экология отличается от экомисеса своим этическим отношением к инаковости, выраженным в отказе от колонизации природы, в которой теперь могут существовать и странные монстры:

Любовь к вещи как к вещи, а не как к замаскированному человеку подразумевает две формы. Во-первых, у нас есть этический выбор как извращенный прорыв: выбор идентификации с репликантом при условии того, что мы сохраняем искусственность Другого и не пытаемся натурализовать или развалить инаковость. Во-вторых, мы имеем спонтанную континуальность очарования в клаустрофобной среде: «Я неумышленно благословил [монструозного другого]»²⁰.

18. Там же. С. 241–291.

19. Morton T. Ecology Without Nature. P. 185.

20. Ibid. P. 196.

Это решение Мортон, состоящее в обращении к радикально инаковому (в данном случае по отношению к экомимесису), обнаруживаемому в самом ядре деконструируемого нарратива, вновь сопровождается отсылкой к деконструкции²¹, на этот раз в ее более полном смысле: «Интерес деконструкции, ее силы и ее желания... это определенный опыт невозможного, то есть... другого, опыт другого как изобретение невозможного, иначе говоря, опыт другого как единственное возможное изобретение»²². Деррида, в основном в поздних работах, столкнулся с той же проблемой, что и следующий за ним Мортон. А именно: как вырваться за пределы тотализирующего круга письма, которое насильственным образом расчленяет, вписывает и вычеркивает субъекта речи? Ответ на это он находит у Эммануэля Левинаса, для Деррида — избегающего тех проблем, с которыми сталкивается западноевропейская метафизика присутствия, закрывающаяся в своей самотождественности, поскольку его трактовка этики как гостеприимства по отношению к Другому в своей основе имеет как раз требование отказа от самотождественности логоса²³. Принятие Другого становится для Левинаса, Деррида и Мортон способом преодоления насилия письма.

Таким образом, «Экология без Природы» показывает, что Мортон еще до того, как найти источник вдохновения своего материализма в спекулятивном реализме, обнаружил его в деконструкции, противопоставляемой им постмодернизму. Концепт письма в неизменном виде перебирается из «О грамматологии» в текст Мортон, который можно рассматривать как частное приложение того способа чтения и философствования, который продемонстрировал Деррида. Это заимствование позволяет Мортону показать антропоцентричность концепта Природы, который используют экологи. Более того, изначальное формулирование темной экологии как философской программы вновь отсылает к деконструкции: несмотря на то что Мортон, в отличие от Деррида, использует куда более мрачные метафоры, за ними стоит одна и та же интенция преодоления насилия письма с помощью обращения к чему-то радикально ему чуждому. Очертив интерпретацию

21. Ibid. P. 186.

22. *Derrida J. Psyche. Invention de l'autre*. P.: Galilee, 1987. P. 27; цит. по: Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. С. 255.

23. Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 73–89.

Деррида Муртоном, теперь следует задаться вопросом о том, что остается за ее пределами, остались ли еще уроки, которые можно вынести из текстов Деррида?

Деконструкция тьмы

Эксплицировав то значительное влияние, которая деконструкция оказала на темную экологию, можно задаться вопросом об ограничениях и проблемах, возникающих в интерпретации Деррида Муртоном. Как было отмечено, для Муртона, работающего в контексте англоязычного литературоведения конца XX — начала XXI века, оказывается важно развести постмодернизм и деконструкцию. Однако насколько успешна его попытка использовать ресурсы теоретика, чье имя так тесно связано с постмодернизмом? Действительно, этическая значимость деконструкции, столь важная для Муртона, была нивелирована интерпретаторами Деррида в англоязычном литературоведении²⁴. В этом смысле темную экологию сложно низвести до статуса еще одной постмодернистской прихоти. Однако если Муртон хочет преодолеть лингвистизм постмодернизма, прорваться к инаковой материальности, то в этом контексте следует обратить внимание, что у Деррида несколько более сложные отношения с проблемой связи письма и инаковости. И, как будет показано, это ключевой момент в этике деконструкции.

Одним из наиболее показательных примеров здесь может стать спор о безумии — рецензия Деррида «*Cogito* и история безумия» на «Историю безумия в классическую эпоху» Мишеля Фуко. Внимание Деррида привлекает тезис Фуко о том, что Декарт (как фигура, воплощающая в себе рационализм Просвещения) в своем обосновании методологического сомнения подверг безумие исключению, поработив его рациональной установкой:

Ход сомневающейся мысли у Декарта ясно показывает, что опасность уже преодолена и безумие располагается вне той неотъемлемо принадлежащей субъекту сферы, где он сохраняет все права на истину, — то есть вне той сферы, какой является для классической мысли самый разум. Отныне безумие отправляется в ссылку²⁵.

24. *Critchley S.* The Ethics of Deconstruction: Derrida and Levinas. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. P. 2.

25. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ Москва, 2010. С. 62.

В противовес подобной позиции Деррида выдвигает аргумент о том, что сама идея Фуко — эмансипация безумия от насилия разума — рационалистическая по своей сути. Во-первых, отождествляя язык и разум, Деррида указывает на то, что письмо Фуко, его книга, берет на себя фундаментально невыполнимую задачу:

Беда безумцев, нескончаемая беда их безмолвия заключается в том, что их лучшими глашатаями становятся те, кто им лучше всего и изменяет; дело в том, что, захотев высказать само их безмолвие, сразу переходишь на сторону врага, на сторону порядка, даже если в рамках порядка борешься против порядка и ставишь под вопрос его исток. Нет такого Троянского коня, которого не уразумел бы Разум (вообще)²⁶.

Далее Деррида обращается к тексту Декарта, чтобы сформулировать собственное отношение к проблеме, поставленной Фуко. И парадоксальным образом Деррида не находит в Декарте жеста исключения, полного разделения разума и безумия — фундаментальной оппозицией для рационализма являются ошибающиеся чувства и разум, способный проверить достоверность чувств. Но безумие для Декарта оказывается куда более сильной материей, которая не может быть сметена рациональным сомнением, оно сосуществует с рациональностью, например, в фигуре «Злокозненного Гения»²⁷. Таким образом, сама попытка Фуко различить безумие и разум для его же критики является радикализацией рационализма:

Поскольку язык является самым разрывом с безумием, он тем лучше соответствует своей сущности и призванию, тем вернее порывает с безумием, чем свободнее мерится с ним силой и короче с ним сходится: пока их не станет разделять лишь «прозрачный лист бумаги», о котором говорит Джойс, лишь он сам, ибо эта прозрачность есть не что иное, как язык, смысл, возможность и простая сдержанность нейтрализующего все ничто. В этом смысле я мог бы поддаться искушению рассмотреть книгу Фуко как властный жест защиты и заточения. Картезианский жест XX века²⁸.

26. Деррида Ж. *Cogito и история безумия* // Он же. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 49.

27. Там же. С. 69.

28. Там же. С. 71–72.

Наконец, чтобы избежать тех ловушек, в которые Фуко попадает в рамках своей диалектики разума и безумия, Деррида предлагает гиперболизировать уже свое прочтение Декарта, усматривая в гипотетической возможности соединения разума и безумия их принципиальную неразделимость:

...его [картезианского *Cogito*] безумная дерзость заключается, стало быть, в возвращении к исходной точке, каковая не принадлежит более паре, состоящей из определенного разума и определенного неразумия, их оппозиции или альтернативе. Безумен я или нет, *Cogito, sum*. Тем самым безумие — лишь один из случаев — во всех смыслах этого слова — мысли (в мысли). Итак, речь идет об отступлении к точке, где всякое определенное в виде той или иной фактической исторической структуры противоречие может проявиться, проявиться как относящееся к той нулевой точке, где определенные смысл и бессмыслие сливаются в общем истоке²⁹.

В разнице позиций Фуко и Деррида можно усмотреть различие, релевантное для Мортонa: Фуко выступает в роли «постмодерниста», осуществляющего простую нигилистическую операцию отрицания некоторого региона смысла, в то время как Деррида разворачивает деконструкцию, способную уничтожить само различие разума и безумия — каждая из этих противоположностей оказывается в самом ядре другой.

Однако для темной экологии, как это можно было понять, данный пример частного приложения той серии ходов, которую предлагает деконструкция, интересен тем, что оказывается повернут не только против вульгарной версии рационализма Декарта, но и против Фуко. Как возможно различить «светлую» и «темную» экологию, если проделать с ней такую же операцию? Конечно, следовало бы отдельно остановиться на соотношении понятий безумия у Фуко и странности у Мортонa, однако сходство формальной структуры их аргументации представляется достаточным для формулирования проблемы: как и деконструируемые им экологи, Мортон, вводя темную экологию, отрицая романтическое представление о внешней и прекрасной Природе путем ее контекстуализации и соотнесения с капиталистической машиной, оказывается на стороне ее безумной противоположности. Да, природа больше не является чем-то внешним по отношению к чело-

29. Там же. С. 73.

веческому субъекту, но почему из этого вытекает ее монструозный характер? Как, в концептуальном смысле, возможно то, что свет и тьма вновь различаются?

На эти вопросы можно было бы ответить следующим образом: эти упреки можно адресовать не только темной экологии, но и деконструкции вообще, а те проблемы, которые испытывает Фуко с ее позиций, не следует так безосновательно экстраполировать. Как было сказано, Деррида сам видит в деконструкции решение проблемы закрытого круга письма, пропускающей всякую инаковость сквозь мясорубку различений. Более того, для усиления позиции, сформулированной на основе спора о безумии, можно обратиться к куда более важному (по сравнению с Фуко) для деконструкции и темной экологии теоретическому ресурсу — этике Левинаса. Допустимо ли утверждение, что Левинас предоставляет возможность не впасть в грех насильственных бинарных оппозиций? И да, и нет. В целом можно сказать, что Деррида продельывает с Левинасом то же самое, что и с Фуко. Он точно так же видит в Левинасе постановку важной проблемы, которая сулит надежду на открытость по отношению к чему-то иному, нежели греческому логосу — насилию света:

Мысль [Левинаса], которая хочет, не прибегая к филологии, одной только верностью непосредственной, но погребенной обнаженности самого опыта освободиться от греческого владычества Того же и Единого (другие имена для света бытия и феномена) как от притеснения — конечно же, ни на какое другое не похожее, притеснения онтологического или трансцендентального, но также и истока и уловки любого притеснения в мире³⁰.

Однако с точки зрения деконструкции позиция Левинаса так же глубоко наивна, как и позиция Фуко. Более того, центральным аргументом Деррида вновь является невозможность молчания:

Итак, в самых своих высоких ненасильственных требованиях, обличая прохождение через бытие и момент понятия, мысль Левинаса предлагает нам, похоже, не только, как мы говорили об этом выше, этику без закона, но также и язык без фразы. <...> Само изложение ненасильственной метафизики и является ее первым опровержением³¹.

30. Деррида Ж. Насилие и метафизика // Письмо и различие. С. 104.

31. Там же. С. 189.

При этом, в отличие от Фуко, Деррида оппонирует Левинасу не просто по той причине, что на самом деле необходимое условие его высказывания — молчание, но и потому, что это стало бы политически несостоятельной позицией:

...что мог бы предложить другому язык без фразы, язык, который ничего не говорит? Язык должен давать другому мир, говорит нам «Цельность и Бесконечность». Наставник, запретив себе фразу, ничего бы не дал; у него не было бы учеников, а одни только рабы. Ему было бы заказано творение — или литургия, — эта подрывающая экономику трата, которую не нужно, согласно Левинасу, понимать как Игру³².

Таким образом, в обоих случаях Деррида выдвигает схожий аргумент, но в данном случае это не только обнаружение апории, свидетельства ограниченности проторационалистических попыток совершить философское высказывание о том, что нельзя высказать, но и его политической позиции, не предполагающей отказ от нормативности письма.

Деконструкция тьмы, предпринятая Деррида в полемиках с Фуко и Левинасом, может выглядеть интересно в контексте его популярных интерпретаций. Но имеет ли она какой-то смысл, если запрещает нам любые попытки занять определенную сторону, укрыться в защите одной из них, неважно — темной или светлой? Как Деррида выбирается из этого положения? В контексте ответа на этот вопрос можно обратиться к практически любому его позднему тексту, где он обсуждает в основном этические проблемы дара, гостеприимства, смерти, куда менее явно проступающие в тех работах, к которым мы до сих пор обращались. Тем не менее наиболее подходящим текстом в данном рассуждении, заострившим политическую проблематику деконструкции, является «Сила закона». В рамках этой работы Деррида формулирует концепцию «грядущей демократии», которая преподносит справедливость как несбыточную мечту:

Справедливость остается еще впереди, *a venir*, она имеет это *a-venir*, само измерение событий, нередуцируемо грядущих. Она всегда будет иметь его, это *a-venir*, и всегда имело. Возможно, именно по этой причине справедливость — поскольку это не только юридический или политический концепт — открыва-

32. Там же. С. 188.

ется для *l'avenir* трансформации, пересоздания или переоснования закона и политики. Возможно, справедливости нужно сказать «возможно»³³.

Демократия в данном случае понимается Деррида в рамках уже обозначенной в предыдущей главе схемы: это еще один важнейший для европейской традиции миф, в самом сердце которого можно обнаружить его противоположность — насильственный произвол. Для столь мощной и требовательной этической позиции, которую мы можем найти у Левинаса и Деррида, справедливый политический порядок является скорее мечтой, которая никогда не наступит, — для его поддержания всегда понадобится какая-то степень замкнутости и самоидентичности. Но почему стоит все же сохранять демократическую позицию, ожидать демократии? Резюмируя, критикуя и дорабатывая те политические следствия, которые могут содержаться в деконструкции, понятой как этическое требование бесконечной ответственности перед Другим, Саймон Кричли дает такое определение и обоснование демократии:

Политическая ответственность гражданина демократии состоит в вопросе об аксиомах и основах демократического общества, вопросе, который имеет своим горизонтом ответственность в отношении Другого. Демократия — это форма общества, приверженная политическому равенству всех своих граждан и этическому неравенству себя при столкновении с Другим. <...> В демократии власть не исчезает, скорее это место антагонизма, конкуренции и борьбы. Таков риск демократии, состоящий в том факте, что демократическая жизнь всегда подвергается опасности падения в тиранию и тоталитаризм³⁴.

С этой точки зрения граница между докритической демократией, где могут найти себе место голоса странных и инаковых, и тиранией света, в которой самоидентичность порядка не может быть поставлена под сомнение, оказывается условной, однако обещание справедливости означает неизбежную возможность демократии.

33. *Derrida J. Force of Law: The “Mystical Foundation of Authority” // Deconstruction and the Possibility of Justice / D. Cornell et al. (eds). N.Y.; L.: Routledge, 1992. P. 27.*

34. *Critchley S. Op. cit. P. 239.*

Можно сказать, что полемики Деррида с Фуко и Левинасом являются не какими-то частными любопытными случаями философских споров современников, но позволяют посмотреть на суть деконструкции, которую можно воспринять не только как «методологию» чтения текстов, но и как этику ответственности перед Другим. Деконструкция — это палка о двух концах. Ей можно бить не только наивное представление о том, что разум делает лучше нашу жизнь, а забота об окружающей среде — жизнь всей планеты, но и столь же наивные попытки найти новое убежище в безумии, гостеприимстве или же в странных и темных монстрах. От экологии войны никуда не деться. Однако помимо подтверждения той проблемы, которая вменяется темной экологии в данном тексте, пример с деконструкцией эсхатологии Левинаса позволяет показать трагичность деконструкции, ее бессилие перед собственной мощью. Решение Деррида, так до конца им и не проработанное, развитое в дальнейшем Кричли, хотя и оказывается не столь восторженным, но все-таки следует за Другим как за надеждой на ненасилие, оставаясь на тех самых позициях Левинаса, что были ею же и разрушены.

Гиперобъекты: наступившая демократия

Конечно, можно встать на позиции ортодоксов от континентальной философии и заявить, что Мортон плохо усвоил ее уроки и не видит всего величия Деррида. Что он куда ближе к «постмодернизму», чем сам того желает. Что «темная» экология фундаментально не способна осуществить собственную миссию — избавить нас от образа Природы-Геи. Вывод о том, что темная экология должна перестать быть темной, то есть не пытаться занять сторону объектов-монстров вместо стороны субъектов-консьюмеристов, поскольку немислима без деконструкции самих этих сторон, уже представляет определенную ценность. Однако как именно может выглядеть рационализм темной экологии? Как встроить эту установку в концептуальную схему Мортонна? Останется ли от нее хоть что-то? Для ответа на эти вопросы следует вернуться к началу данного текста и обратить внимание на то, что, несмотря на использование ресурсов *french theory*, в дальнейшем Мортон открывает для себя спекулятивный реализм, который начинает играть ключевую роль во всех основных текстах по темной экологии. И вместо консервативной позиции мы попробуем показать, что экология, усвоившая уроки спекулятивного реализма, справляется с задачами деконструкции даже лучше, чем она сама.

С влиянием объектно-ориентированной онтологии на темную экологию сложно не считаться; как уже сказано, Мортон видит в ней практически идентичный проект, хотя ни Грэм Харман, ни кто-либо еще из движения спекулятивного реализма к Деррида никак не относится³⁵, а влияние на него Хайдеггера, хоть и весьма специфически прочитанного по сравнению с постструктуралистскими авторами, вообще может вызвать сомнение в том, что у этих теоретических языков можно обнаружить общие моменты. Где же найти место встречи ОО и деконструкции? В качестве ответа можно предложить концепт гиперобъекта: сформулированный еще в «деконструктивистский» период Мортон³⁶, он безо всяких проблем переключивается через краткий промежуток, когда произошло его заражение Харманом³⁷, и становится наиболее тиражируемым в дискурсе спекулятивного реализма. Выполняя таким образом посредническую роль, понятие гиперобъекта позволяет сшить пока что расчлененные для нужд данного исследования куски корпуса текстов Мортон.

Так, с одной стороны, Мортон не изменяет себе в своем наследовании деконструкции: гиперобъекты — это инаковость, безразличная к ключевой для него бинарной оппозиции внутреннего человеческого и внешнего природного:

Как заботиться о соседе, о странном страннике и о гиперобъекте — долгосрочные проблемы, поднимаемые экологической мыслью. Экологическая мысль чрезвычайно расширяет наши идеи времени и пространства. Она заставляет нас изобретать пути совместного существования, которое не зависит от собственных интересов³⁸.

С другой стороны, комментируя и развивая рассматриваемый концепт уже с привлечением теоретических ресурсов ОО, Мортон определяет его в схожем ключе, настаивая на его отдельности от человека и его интересов:

Гиперобъекты — это не просто скопления, системы или ассамбляжи других объектов. Они — объекты сами по себе в том спе-

35. *Harman G.* Op. cit. P. 199.

36. *Morton T.* *The Ecological Thought.* Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2010. P. 130–135.

37. *Idem.* *Hyperobjects.*

38. *Idem.* *The Ecological Thought.* P. 135.

цифическом смысле, который я разъясню в ходе этой книги. Это специфическое понимание объекта исходит из объектно-ориентированной онтологии. <...> Гиперобъекты реальны вне зависимости от того, думает ли кто-то о них или нет³⁹.

Отметив декларируемую Мортоном одинаковость понимания концепта гиперобъекта в двух разных контекстах, можно задать вопрос о том, изменяется ли что-то при трансфере этого концепта из деконструкции в ОО? Во-первых, поскольку деконструкция здесь была представлена в первую очередь как этика, нельзя не отметить, что введение понятия гиперобъекта имеет для Мортонa сильнейшие последствия: безразличие к человеку, его необязательность для объектов приводит к тому, что Мортон называет концом света, — состоянию, в котором целеполагающие люди уже не могут сохранять свой привилегированный статус:

Из этой ситуации нет выхода. Поэтому время гиперобъектов — это время, в котором невозможно достичь окончательной дистанции по отношению к миру. <...> Для модернистского ума, привыкшего к системам и структурам, это поразительно. Чем больше карт мы делаем, тем больше реальных вещей продираются сквозь них. Нечеловеческие сущности появляются сквозь нашу картографию, а потом они уничтожают ее⁴⁰.

Далее в качестве парадигмального кейса радикальной инаковости Деррида использует совершенно другой пример по сравнению с Мортоном, выражающийся в концепте еврея: «Еврей ли мы? Греки ли? Мы живем в различии между евреем и греком, каковое, возможно, составляет единство того, что зовется историей»⁴¹. Левинас во многом полагался на иудейскую религиозную традицию, с помощью которой попытался решить проблему тотальности онтологии, становящейся тотальностью войны, противопоставив ей как раз эсхатологию, учение о спасении, дающее доступ к бесконечному, нередуцируемое к бытию:

Эсхатология устанавливает связь с бытием по ту сторону тотальности, или истории, а не по ту сторону прошлого или настоя-

39. *Idem*. *Hyperobjects*. P. 2.

40. *Ibid*. P. 130.

41. *Деррида Ж.* *Насилие и метафизика*. С. 195.

щего. <...> Эсхатология — это отношение к избыточности, всегда внешней по отношению к тотальности, как если бы объективная тотальность не была полной мерой бытия, как если бы иное понятие — понятие бесконечности — должно было выражать эту трансценденцию, внешнюю по отношению к тотальности и не охватываемую ею, но столь же изначальную, как и она сама⁴².

Грядущая демократия в этом контексте послевоенной Европы действительно является следствием, необходимым для защиты тех слабых и подвергшихся систематическому насилию европейской рациональности, символом которых стали евреи.

Но о чем именно говорит нам тот факт, что концепт инаковости используется для осмысления столь разных случаев? Они оба обозначают радикального иного, Другого, для Самотождественного. Но если в первом случае Другой оказывается всегда подавлен, репрессирован, слаб, то во втором он демонстрирует невероятную мощь, что дает принципиально другой образ демократии. Демократия для Левинаса и Деррида, существующих в контексте разочарования Европы после Второй мировой войны, остается всегда где-то там, далеко, в пространстве (не)возможного. Конечно, и спустя столетия можно сказать, что тиски капитализма с тех пор сжались только сильнее. Но Мортон позволяет не идти этой исхоженной дорогой, он может предложить не стремиться к какому-то далекому образу инакового будущего, а находить его проявления в том мире, в котором мы живем. Иначе говоря, если для Левинаса и Деррида демократия является грядущей, то для Мортон — наступившей. В этом смысле Мортон оказывается весьма парадоксальным автором: он гораздо лучше Деррида справляется с задачей деконструкции в ее этическом и политическом значении. В то же время он не заходит так далеко, как Деррида, и не обсуждает подробно вопросы рациональности и справедливости, его понимание демократии остается на уровне простого ее распространения по ту сторону субъект-объектной дихотомии:

Поскольку существо, вами не являющееся, — это произведение искусства, то есть оно необязательно является человеческим, сознательным, чувствующим или просто живым, мы говорим

42. Левинас Э. Указ. соч. С. 67–68.

о возможности расширить демократию изнутри самой кантовской теории и включить в нее нелюдей⁴³.

Темная экология позволяет не просто тихо нашептать обещание и надежду на демократический порядок: она бьет по голове тезисом о том, что мы уже в нем существуем.

В то же время, как не раз уже было упомянуто, Мортон настаивает, что экология является темной, что она предпочитает говорить о не-таких-как-все монстрах, а не о банальностях вроде справедливости и разума. Но какой смысл придерживаться и дальше этой позиции? Какая разница — темные мы или светлые, если мы уже сосуществуем? Имеет ли смысл эта дихотомия, которая разводит нас по разные стороны баррикад, если сама война, насилие друг над другом теряет всякий смысл? Ученый-естественник, над героическим образом которого не издевался только ленивый постструктуралист из-за выражения в нем тотальности и репрессивности Порядка, теперь оказывается просто неспособен подавить своей экспертностью возникающие тут и там странности. Репрессивная сила рациональности оказывается весьма переоцененной, она больше не способна делать с объектами все, что ей захочется. Короче говоря, она не является светлой, поскольку не просвещает. И то же самое можно сказать о темной экологии: как только она отказывается от попытки укорениться на каком-то одном полюсе бинарной оппозиции света и тьмы, она обретает куда больший смысл, не делая своих учеников рабами. Таким образом, превращение деконструктивистского проекта Мортон из темной экологии в экологию позволяет реализовать главную ставку деконструкции вообще: вместо того чтобы просто учиться у Деррида, Мортон сам может научить его тому, как находиться между письмом и инаковостью, деконструируя само это противопоставление.

Заключение

Итак, несколько выводов. Во-первых, рассмотрение попыток Мортон сформулировать программу темной экологии, проделанных им до обращения к ресурсам спекулятивного реализма, позволило показать, что в своем рассуждении и обосновании темной экологии он повторяет те же теоретические шаги, кото-

43. Мортон Т. Указ. соч. С. 128.

рые ранее совершил Деррида: для обоих главной проблемой являлся миф о присутствии сущности в структуре, фиксация насильственного характера последней и легитимация ее разрушения с помощью концепта Другого. Во-вторых, было показано, что интерпретация деконструкции в темной экологии, несмотря на декларируемый разрыв с постмодернизмом, оказывается довольно похожей на него — Мортон игнорирует значимые для Деррида как раннего, так и позднего периода проблемы невозможности избавиться от насилия, его необходимый и даже желательный характер. Основываясь на примерах деконструкции Фуко и Левинаса, можно сказать, что Деррида куда ближе к разрыву с постмодернистским нигилизмом, чем жаждущий этого Мортон. Можно сказать, что, несмотря на сильное влияние Деррида, Мортон, придерживаясь метафор темного, монструозного, странного, оказывается неспособен говорить о настолько же значимых кейсах для деконструкции рациональности и демократии.

В-третьих и в-главных, эти выводы оказываются важны для более поздних работ Мортон, в которых он развивает свой изначальный философский проект с помощью концепта гиперобъекта. Анализ его использования Мортон позволил показать, что, оказываясь легитимным и в деконструкции, и в ОО, этот концепт тем не менее приобретает новые коннотации по сравнению с деконструкцией, в которой в качестве парадигмального кейса инаковости выступало еврейство, а не глобальное потепление или плутоний. Это различие оказывается существенным как для деконструкции, так и для темной экологии. В первом случае становится возможным переосмыслить концепцию грядущей демократии, которая не может быть ничем, кроме невозможной мечты. Темная экология — язык, описывающий наступившую демократию. В этом смысле Мортон, несмотря на свое упорное нежелание говорить о чем-либо, кроме темного и странного, способен справиться с тем замешательством, в котором в итоге, на наш взгляд, оказался Деррида. Для Мортон же это может означать, что темная экология не должна замыкаться на попытке прорыва к темной инаковости, а деконструировать различие света и тьмы. В теоретическом языке Мортон эксплицитно заложены два урока: 1) наступление демократии и 2) отсутствие взаимоисключающего характера между рациональностью и инаковостью. Их можно назвать продуктивным выводом проделанного исследования связи деконструкции и темной экологии.

Однако подобная интерпретация, которая могла бы сделать чуть больше для деконструкции антагонизма странности и банальности, конечно, платит немалую цену за подобные выводы. Главную проблему предложенного прочтения деконструктивистской экологии можно сформулировать следующим образом: не является ли концепция наступившей демократии утопической? Разница между евреем и атомной бомбой, знаменуя, сколь малое и незначительное место занимает человек, не только говорит о том, что его попытки установить тотальный порядок тщетны и безнадежны, но и попросту рискует перестать их замечать. Как возможно осуществить насилие над объектами, которые мы даже не можем помыслить? Как возможно уничтожить или хотя бы колонизировать бесконечную Вселенную? Экология, таким образом, перестает различать — это попросту невозможно из-за ничтожности некогда всемогущего субъекта. В каком-то смысле темная экология остается в первую очередь эсхатологией в самом буквальном значении этого слова — учением о конце света, после которого не будет страданий и притеснений.

Библиография

- Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.
- Деррида Ж. Cogito и история безумия // Он же. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 54–104.
- Деррида Ж. Насилие и метафизика // Он же. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 124–249.
- Деррида Ж. О грамματοлогии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
- Ламонт М. Как стать самым важным французским философом: случай Деррида // Логос. 2009. № 4–5 (72). С. 3–42.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.
- Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ad Marginem, 2019.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ Москва, 2010.
- Critchley S. The Ethics of Deconstruction: Derrida and Levinas. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.
- Derrida J. Force of Law: The “Mystical Foundation of Authority” // Deconstruction and the Possibility of Justice / D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson (eds). N.Y.; L.: Routledge, 1992.
- Derrida J. Psyche. Invention de l'autre. P.: Galilee, 1987.
- Harman G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. L.: Penguin Random House, 2017.

- Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*. N.Y.: Columbia University Press, 2016.
- Morton T. *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007.
- Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2013.
- Morton T. *Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Morton T. *The Ecological Thought*. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2010.
- Searle J. *The Construction of Social Reality*. N.Y.: Free Press, 1995.
- Shaviro S. *The Universe of Things: On Speculative Realism*. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2014.

DARK ECOLOGY BETWEEN DISCOURSE AND OTHERNESS

ALEXEY VORONKOV. Teaching assistant, Department of Theoretical Sociology and Epistemology, Institute for Social Sciences (ISS), alexeyvoronkov@gmail.com. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82 Vernadskogo ave., Bldg 2, 119571 Moscow, Russia.

Keywords: hyperobject; democracy to come; dark ecology; deconstruction; the Other.

In contrast to the more popular interpretations of Timothy Morton's dark ecology as one more example of speculative realism, the article suggests regarding it argue as a special case of Jacques Derrida's deconstruction. By examining Morton's earlier writing, the author demonstrates that it extends the deconstructionist structure of argumentation by criticizing ecological discourse in order to justify dark ecology. Derrida revealed the violent structure of writing as the basis of the logocentric myth, and Morton has similarly shown that the Romantic idea of a harmonious Nature came about as a result of the consumerism of the privileged classes in modern industrial society. Explication of this connection exposes limitations that are significant for dark ecology in Morton's interpretation of Derrida, which ignores Derrida's criticism of various attempts to emancipate otherness.

Examination of Derrida's texts shows that they do not deconstruct logocentrism but argue against the alternatives offered by Michel Foucault and Emmanuel Levinas. Deconstruction therefore continues to operate symmetrically on them. From a similar viewpoint, Morton's use of dark metaphors appears unjustified because it does not recognize the possibility of deconstructing darkness rather than light. However, Derrida's solution — his concept of the democracy to come — is incompatible with Morton's resort to the concept of a hyperobject. Morton's ecology should instead be read as a theoretical language, indifferent to the dichotomy between light and darkness and descriptive of a new democracy, the distinctive feature of which is the inevitable proximity of the Other.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-33-54

References

- Avtonomova N. S. *Filosofskii iazyk Zhaka Derrida* [Philosophical Language of Jacques Derrida], Moscow, ROSSPEN, 2011.
- Critchley S. *The Ethics of Deconstruction: Derrida and Levinas*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014.
- Derrida J. Cogito i istoriia bezumiiia [Cogito et histoire de la folie]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], Moscow, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 54–104.
- Derrida J. Force of Law: The “Mystical Foundation of Authority”. *Deconstruction and the Possibility of Justice* (eds D. Cornell, M. Rosenfeld, D. G. Carlson), New York, Paris, Routledge, 1992.
- Derrida J. Nasilie i metafizika [Violence et métaphysique]. *Pis'mo i razlichie* [L'écriture et la différence], Moscow, Akademicheskii proekt, 2000, pp. 124–249.
- Derrida J. *O grammatologii* [De la grammatologie], Moscow, Ad Marginem, 2000.
- Derrida J. Pis'mo k iaponskomu drugu [Lettre à un ami japonais]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 53–57.
- Derrida J. *Psyche. Invention de l'autre*, Paris, Galilee, 1987.

- Foucault M. *Istoriia bezumiia v klassicheskuiu epokhu* [Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique], Moscow, AST Moskva, 2010.
- Harman G. *Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything*, London, Penguin Random House, 2017.
- Lamont M. Kak stat' samym vazhnym frantsuzskim filosofom: sluchai Derrida [How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2009, no. 4–5 (72), pp. 3–42.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, EUSPb, 2006.
- Levinas E. *Total'nost' i beskonechnoe* [Totalité et Infini], Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 2000.
- Morton T. *Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence*, New York, Columbia University Press, 2016.
- Morton T. *Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2007.
- Morton T. *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2013.
- Morton T. *Shelley and the Revolution in Taste: The Body and the Natural World*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
- Morton T. *Stat' ekologichnym* [Being Ecological], Moscow, Ad Marginem, 2019.
- Morton T. *The Ecological Thought*, Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 2010.
- Searle J. *The Construction of Social Reality*, New York, Free Press, 1995.
- Shaviro S. *The Universe of Things: On Speculative Realism*, Minneapolis, London, University of Minnesota Press, 2014.